

«СВЯЩЕНСТВО» И «ЦАРСТВО»

Свои взгляды на соотношение светской и церковной власти Грозный высказал после разрыва с наставником. В приписке к парадной летописи — Царственной книге — он обрушился на Сильвестра за то, что тот узурпировал всю власть в государстве: «Владыше обема властми, и святительским и царским, яко же царь и святитель, точию имени и образа и седалища не имеяше святителскаго и царьского, но поповское имеяше». Более всего Грозного возмущало то, что Сильвестр, имея «поповское седалище», подчинил себе «царствие».

Церковь в Древней Руси была основана византийским патриархом. На протяжении нескольких столетий ее возглавляли

византийские иерархи. Характерной чертой византийского общества было подчинение церковной власти государству. Эта традиция просуществовала до времен Грозного и даже усилилась в связи со становлением самодержавия.

Московская военно-служилая система не могла существовать без постоянных завоевательных войн. Русская церковь стремилась придать этим войнам религиозную окраску. Войны против «неверных» агарян — казанских татар — стали своего рода крестовым походом на Восток.

Появление в составе России обширных территорий, населенных иноверцами и управляемых светской администрацией, расширило сферу вмешательства царя в церковные дела.

Грозный видел свою историческую миссию в расширении пределов православного царства и покорении извечных врагов христиан — «бесерменов». В то же время царь искал опору в среде казанской знати. Тех, кто соглашался сотрудничать с Москвой, охотно принимали на царскую службу.

Грозный ценил знатность в подданных и гордился тем, что ему служат высокородные татарские цари, потомки Чингисхана. Он многократно назначал служилых царей на самые высокие посты в своей армии, включая пост главнокомандующего. Но назначения такого рода были чисто номинальными.

Московское правительство стремилось оторвать татарских «царевичей» от их степных кочевий и переселить вместе с их войском и «двором» на Русь. Некоторые из переселенных «царей» и «царевичей» получили возможность сохранить религию предков. Их сажали «на царство» в Касимове, а также на «уделы» в Юрьеве и Романове. Крещеные «царевичи» держали земли в Звенигороде, Суражике и иных местах.

В Касимове и «уделах» татарские владыки имели собственную администрацию, творили суд и расправу, отправляли свои религиозные обряды. Как заявляли русские послы за рубежом, в переданных ханам городах «мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит, всякой иноземец в своей вере живет». Во владениях мусульманских ха-

нов жили не только татары, но и православное русское население. Права мусульманских ханов в отношении этих двух групп населения были неодинаковы. Касимовские ханы выступали как удельные владыки по отношению к татарскому населению и как кормленщики по отношению к русскому населению, отданному под их власть.

Золотая Орда в период своего господства над Русью не чинила притеснений православной церкви. Опыт мирных отношений с мусульманским миром не был отвергнут Россией. Русские власти никогда не предпринимали попыток к полному искоренению ислама в пределах православного царства.

Завоевание ливонских городов поставило царя лицом к лицу с проблемой управления протестантской провинцией. Многие крепости и замки в Ливонии открыли ворота перед царем, получив от него или его бояр обещание «не выводить» местное население в глубь России. Обязательство было грубо нарушено. Под предлогом «измены» бюргеры Дерпта и других замков были переселены во Владимир, Кострому, Нижний Новгород и Углич.

Выселения вызвали крайнюю тревогу у церковного руководства. Опасаясь, как бы «прескверные люторы» не занесли ересь на Святую Русь, высшие иерархи предлагали принудительно крестить их в православную веру. Однако царь не желал отталкивать от себя ливонских дворян-протестантов. Еще в 1569–1570 гг. в Москву был приглашен герцог Магнус, бедный родственник датского короля «с какой-то противоестественной внешностью». Герцог получил от царя титул короля Ливонии и в придачу крохотный замок Пõлчев (Оберпален) с округой. Этот городок и стал столицей его королевства. Грозный сосватал Магнусу племянницу Евфимию Старицкую и обещал дать за ней богатое приданое.

Согласно договору, Грозный обязался передать Магнусу все свои владения в Ливонии после того, как под его власть перейдут Рига и Ревель.

Невеста Магнуса умерла во время чумы. Тогда королю сосватали другую дочь князя Владимира Старицкого. 12 апреля

1573 г. Магнус отпраздновал свадьбу с 13-летней княжной Марией. Грозный не стал принуждать нового слугу к переходу в православную веру. Разряд свадебной церемонии предусматривал участие двух священников — ксендза и православного попа. Инструкция предписывала «обручать и переменять перстни на месте у короля попу римскому, а княжну обручать попу русскому по греческому закону». Высшее духовенство не одобряло уступок латинянам, но никто не смел перечить самодержцу.

Высшее духовенство требовало запретить ливонским переселенцам-протестантам отправление их культа. Но Грозный отверг домогательства такого рода. Немецкие купцы с похвалой отзывались о веротерпимости Ивана IV и его расположении к немцам. Царь, передавали они, обнаруживает обширные познания в религиозных вопросах. Он охотно ведет диспуты на догматические темы, особенно с ливонскими пленниками, разбирает различия между православием и католичеством и якобы серьезно думает о соединении церквей. Доброжелатели царя — немецкие купцы не упомянули о том, что московский царь был человеком вспыльчивым и диспуты с ним не всегда имели мирный исход.

В 1577 г. Грозный затеял спор с лютеранским проповедником Мартином Нандельштетом, встреченным случайно на улицах Кокенхаузена. Когда пастор сравнил Лютера с апостолом Павлом, самодержец пришел в ярость и огрел его кнутом по голове. Немного успокоившись, он продолжил беседу и даже просил проповедника изложить письменно, «что их вера». Из дальнейших вопросов царя следовало, что его живо интересовала реформа церковных обрядов, проведенная Лютером.

Известный дерптский проповедник Иоганн Веттерман учился в Виттенбергском университете в Германии в бытность там Лютера и Меланхтона. Его слава как богослова была столь велика, что Иван велел дать ему для просмотра некоторые древние книги из семейной библиотеки. По личному разрешению царя Веттерман свободно разъезжал по русским городам, где жили немцы, и учил их «люторской ереси».

Когда Грозный узнал о Варфоломеевской ночи в Париже, он осудил преступление католического короля и выразил сожаление по поводу убитых гугенотов. Судя по тому, что число жертв короля было немыслимо преувеличено, информацию о резне московский двор получил от протестантов.

Иван IV, не стесняясь, использовал сугубо опричные меры, чтобы оградить лютеран, живших в земщине, от преследований со стороны церковных властей. Когда митрополит насильно заставил немца-лютеранина принять православие, Грозный примерно наказал иерарха. Слухи об этом проникли в протестантскую Германию. Толковали, будто митрополит должен был заплатить штраф в 60 000 рублей.

Иван IV не только защищал еретиков, но и приблизил к себе некоторых из них. Он зачислил на опричную службу и сделал своими советниками ливонских дворян Таубе и Крузе, Эберфельда и Кальпа.

Особым влиянием в опричнине пользовался доктор права из Петерсхагена Каспар Эберфельд. Грозный охотно слушал рассказы ученого-правоведа, расспрашивал его об обычаях и нравах его страны. Эберфельд присутствовал на совещаниях царя с Боярской думой. Ходили слухи, что Иван хотел поручить Эберфельду деликатную миссию — сосватать в Германии невесту для наследника престола. Православный люд боязливо взирал на дружбу великого государя с иноземцами. Дьяк Иван Тимофеев с негодованием писал о царе, что «вся внутренняя его в руку варвар быша».

Царь Иван знал о приверженности королевы Елизаветы протестантскому вероучению, но это нисколько не помешало ему затеять сватовство. В конце жизни он завел переговоры с английским двором об устройстве брака с английской «принцессой» Мэри Гастингс. Готовясь к новому браку, самодержец повелел английскому послу, чтобы состоявший в его свите проповедник доктор Коули написал для него, государя, «тезисы англиканской веры». Затем монарх приказал прочесть эти тезисы публично перед многими из своей думы и знати. Подробности царского диспута с представителем англиканской

церкви неизвестны. Можно полагать, в новом диспуте государь проявил сдержанность. Косвенным доказательством тому был эпизод с сыном боярским Захарием Болтиным. Будучи приставом у сэра Боуса, Болтин из чрезмерного усердия помянул, что тому было бы неплохо креститься в православие. Узнав об этом, Грозный велел бросить пристава в тюрьму.

Болтин не навязывал англичанину веру и действовал из лучших побуждений. Его арест мог вызвать у придворных и духовенства разве что недоумение и досаду. Но жест Грозного имел в виду не собственных подданных, а английский двор. Паства англиканской церкви, в особенности же будущая невеста царя, получила доказательство, что в России англичане не будут подвергаться притеснениям на религиозной почве.

В середине 70-х годов Грозный разрешил ливонским немцам построить кирху в двух верстах от православной столицы. В то время Немецкая слобода под Москвой процветала. Положение переменилось после того, как ливонский король Магнус перешел на сторону Батория и проект создания в границах России вассального протестантского королевства рухнул, а самые видные из служилых немцев — Фаренсбах, Таубе и Крузе — изменили царю.

В условиях тяжелого военного поражения и подозрений насчет новой измены — «шатости в людях» — Грозный не мог более игнорировать требования церковного руководства. В конце Ливонской войны Немецкая слобода подверглась погрому. Некий купец Бохиус из Любека, нечаянный свидетель происшедшего, сообщает, что санкции против немцев были проведены по указке митрополита и духовенства. В беседах с царем митрополит указывал на то, что немцы, получившие привилегию на торговлю вином, спаивали государевых служилых людей в своих трактирах. В конце концов Грозный велел сжечь протестантский храм.

Благословляя поход Грозного на Полоцк, митрополит Макарий объявил, что цель православного воинства — священная борьба против «прескверных лютор» на древних русских православных землях. По взятии Полоцка Иван IV отпустил

на родину католиков — польских капитанов и 500 польских солдат. Местное православное население получило разрешение остаться в своих домах, зато литовцы были уведены пленными в Россию.

Вскоре же царь дал Литве веские доказательства своей «веротерпимости». Он приказал рубить головы монахам-бернардинцам из местного католического монастыря. В глазах Грозного католики были опасными врагами, и он решил искоренить рассадник католической веры в Белоруссии.

Жалкая участь постигла местное еврейское население. Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными «люторами», отдал приказ о расправе с евреями. Согласно записи псковского летописца, «которые были в городе жили люди жидове, и князь велики велел их с семьями в воду в речную въметати, и оутопил их».

Ответственность за происшедшее лежала не на одном царе Иване. В походе на Полоцк его сопровождал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Леонид. Архиепископом полоцким царь поставил Трифона Ступишина, потому что тот был постриженник «Иосифа игумена Волоцкого». Основоположники осифлянства новгородский архиепископ Геннадий и игумен Иосиф Волоцкий вели длительную борьбу с жидовствующими в России. Их старания поначалу были не очень удачными по той причине, что еврейское население в пределах России отсутствовало. Тем не менее ортодоксам удалось добиться осуждения новгородских вольнодумцев как тайных иудеев и отправить их на костер. Геннадий был поклонником методов испанской инквизиции.

Расправа с евреями, исповедовавшими иудаизм, была показателем того, сколь сильным было влияние на молодого царя осифлян.

Грозный не видел нужды в новых подданных — «богоборном» еврейском населении.

Признавая авторитет митрополита, царь тем не менее не доверял ему вести богословские споры с иноверцами и сам вел такие споры. Он исходил из представлений насчет превосходства «царства» над «священством».

В разгар Ливонской войны в Москву прибыло посольство из Речи Посполитой во главе с польским протестантом Яном из Кротошина, исповедовавшим учение «чешских братьев». В состав посольской свиты входил Ян Рокита, представитель («министр») «чешских братьев» в Польше. Рокита просил царя о позволении вести проповедь своего учения в России.

В мае 1570 г. Грозный долго беседовал с проповедником и предложил ответить на десять вопросов. Заполучив письменный ответ, царь устроил публичный диспут в присутствии Боярской думы и высшего духовенства, а также польских послов.

В центре споров оказался богословский вопрос о соотношении дел и веры. Рокита ссылаясь на слова апостола Павла о том, что человек спасается не делами, а верой. Грозный привел слова апостола Иакова: «Кая полза, братия моя, аще веру кто глаголет имети, дела не имать?» В делах человек находит оправдание, «а не от веры единою». Излагая свое понимание изречений апостолов Петра и Павла о христианском спасении, царь не находит в них противоречия: «Или мниши, яко распря в них? Ни. Но великаго согласия. Един оубо подтверждаше дела, друзии оутверждаше веру. Обама совершится во едину ползу ко спасению человеком по вере и делам».

Царь Иван имел обширный опыт споров с ливонскими протестантами. Этот опыт пригодился ему в прениях с Рокитой. Царская отповедь «лютору» начиналась словами: Христос учит «не давати святого слова псом неверным и неверующим Святому Писанию». Не считаясь с традицией, с авторитетом предания, Рокита и его единомышленники, уподобясь «бесам», по своему произволу учительствуют, разрушая Священное Писание: «Вы же от самовольства взявшиися и на учительство воскочисте... сего ради татие и разбойници нарицаетеся». Рокита — «антихрист и развратник веры Христове», распространяющий по свету «бесовскую прелесть», «своим учением Христовы словесныя овцы, их же (Иисус) испуки своєю честною кровию, крадете и разбиваете».

Свои нападки на еретика царь Иван подкреплял ссылками на священные тексты, которые воспроизводил незамедлитель-

но и которые подходили к случаю. Ссылки подтверждали образованность монарха. Грозный показал себя способным учеником «прелукавых осифлянских мнихов», превзошедших в начетничестве прочих книжников.

Гуманизм эпохи Возрождения, его рационалистическая критика средневековой схоластики, первые опыты исторической критики текстов Священного Писания готовили почву для Реформации, бросившей вызов католическому миру. Выступления протестантов поколебали исключительное влияние католической церкви.

Среди членов польского посольства, посетившего Москву, преобладали католики. Не вступая в полемику с католическим вероучением, Иван IV заявил, что и римская «латинская» вера, и «люторство» — одинаковая тьма и прелесть; «яко латына прелесть, тако и вы (люторы) тьма».

18 июня 1570 г., перед отъездом польских послов, самодержец велел вручить Роките письменный ответ на его десять тезисов в защиту протестантского вероучения. Сочинение царя в 1582 г. было переведено на латинский язык и стало доступно православному населению Польши.

Переговоры с католиками приобрели новый поворот после того, как царь Иван стал добиваться избрания на польский трон. В 1573 г. литовский гонец Михаил Гарабурда уведомил Грозного, что он едва ли может претендовать на польский трон «без принятия веры закона римского». Царь запомнил его слова. Весной 1575 г. он принял в Слободе польского шляхтича Кшиштофа Граевского и в беседе с ним затронул вопрос, какую веру он будет исповедовать после избрания на польский трон. Беседа была доверительной, и самодержец поведал поляку, что устроит диспут о вере и сам по свободному выбору может сменить веру, «но пока сам не соглашусь, чтобы меня к этому не принуждали». Если диспут покажет ему и он познает сам, что «вера римская лучше, чем русская, то кто же так глуп, чтобы, найдя лучшее, не оставил худшего».

Иван IV кривил душой, стараясь расположить в свою пользу польскую шляхту. О переходе в римскую веру он и

мысли не допускал. Предложение о богословском диспуте было незамысловатой уловкой.

Ранее в беседе с Гарабурдой царь допускал, что после избрания на польский трон ему придется отречься от власти. В этом случае он выставил непременным условием, чтобы польские вельможи не препятствовали ему уйти в один из русских монастырей, если он пожелает постричься в монахи. Речь шла именно о православном, а отнюдь не о католическом монастыре.

Двусмысленные речи царя могли восстановить против него православное общество. Но он вел переговоры с поляками в строжайшей тайне.

На последнем этапе Ливонской войны Грозный вновь общался с «латинством». Неудача мирных переговоров с Баторием побудила его прибегнуть к посредничеству главы католической церкви папы Григория XIII. В августе 1580 г. в Ватикан выехал гонец Истома Шевригин. Он привез в Рим царское послание. Напомнив о своем давнем желании соединиться с австрийским императором для войны с турками, Иван IV подтвердил, что готов и «впредь с тобою, папою Римским, и с братом нашим с Руделфом с цесарем, быти во единачестве и в докончанье и против всех бесерменских государей». Осуществлению его намерений, продолжал свою мысль царь, мешает кровопролитная война с Польшей, которая показывает, что Баторий «сложился» (соединился) с басурманами.

Выслушав послание Ивана IV, папа согласился отправить в Россию своего легата ради примирения двух христианских государей. Миссия была возложена на опытного дипломата, иезуита Антонио Поссевино. 28 марта 1581 г. легат пустился в путь.

Сношения с Ватиканом ставили в порядок дня вопрос об отношении России к Флорентийской унии, провозгласившей объединение католической и православной церкви.

Тему объединения ветвей церкви Грозный затронул в своем последнем послании Баторию. Рассуждения царя об унии были выдержаны в тонах, совершенно не характерных для мос-

ковского ортодоксального богословия. Они интересны прежде всего тем, что раскрывают характер и подлинные воззрения царя на соотношение «царства» и «священства». Каким бы поборником истинной веры ни выступал самодержец в своих многочисленных сочинениях, нужды «царства» в его глазах явно перевешивали. В письме к Баторио он не только не предал анафеме постановления Флорентийского собора, но и изложил их в примирительном духе: «У папы и у всех римлян и латын то и слово, что однако вера греческая и латинская». Так решил в присутствии папы Евгения IV и императора Иоанна VIII Палеолога собор во Флоренции, «где из Руси был тогда Исидор митрополит». Нет причин для вражды православных и католиков. «А у нас которые в нашей земле держать латинскую веру, и мы их силой от латинские веры не отводим и держим их в своем жаловании з своими людьми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и службе, а веру держать, какову захотят».

На пути в Россию Поссевино остановился в Вильне. Там король познакомил его с содержанием полученной им царской грамоты. То ли польские толмачи неверно перевели письмо, то ли легат сам допустил неточность при переводе, но в его изложении слова Грозного по поводу Флорентийской унии приобрели искаженный смысл. В своих «Записках» иезуит так изложил царское послание: Иван IV написал королю, что Московия со времени Флорентийского собора объединена с католической церковью одной религией и что он разрешает католикам в Московии совершать богослужение по их обрядам.

Поссевино охотно поверил тому, во что хотел верить. Россия наконец признала решения Флорентийского собора и готова распахнуть двери перед католическими священниками и миссионерами. В соответствии с таким истолкованием позиции царя легат привез в Старицу и вручил Грозному свод установлений Флорентийского собора на греческом языке.

Некоторые наблюдения, сделанные на границе, подтвердили надежды Поссевино. Иван IV постарался подкрепить свои слова по поводу веротерпимости практическими распоряжениями. Смоленский архиепископ Сильвестр получил от госу-

даря указ допустить папского посла на богослужение в смоленском кафедральном соборе. «И ты б в те поры, — наказывал иерарху монарх, — в Пречистой Богородице сам служил со всеми соборы нарядно».

20 августа 1581 г. в Старице, неподалеку от театра военных действий, легат виделся с самодержцем и преподнес ему в дар от папы частицу креста, на котором был распят Иисус Христос.

После официальной аудиенции во дворце Иван пригласил Поссевино к столу и на пиру в его честь, как писал иезуит, «произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой Римским и заявил, что папа является главным пастырем христианского мира, наместником Христа и поэтому его подданные хотели бы подчиниться его власти и вере».

Сомнительно, чтобы бывший секретарь генерала Ордена иезуитов мог измыслить речь Грозного. Однако совершенно очевидно, что он уразумел застольное обращение Ивана IV, находясь под впечатлением царского письма Баторию, с текстом которого ознакомился в Вильне. В Старице посол Ватикана окончательно уверился в том, что подданные царя склонны подчиниться папе и принять католичество.

Будучи в Вильне, иезуит убеждал короля Стефана, что ему суждена историческая роль. Заключив мир с Москвой, говорил Антоний, король выполнит великую миссию воссоединения восточной и западной церкви.

Похоже, что в Старице Грозный действительно произнес слова о том, что его подданные жаждут принять католичество. Однако неясно, что преобладало в его речи — шутовство или издевка. Легат не знал русского языка и не услышал насмешки в царской речи. Ему была неведома склонность москвиты к юродству. Иван был достойным внуком византийской царевны, воспитанной иезуитами в Италии.

Речи об унии были произнесены не в думной палате, а за пиршественным столом. Антония потчевали по-царски. После падения Адашева бояре, которым Иван не доверял, должны были выпивать по его приказу огромные кубки. Позже монарх шутки ради проделывал то же самое с ближними людьми. Ве-

роятно, и Поссевино стал жертвой тяжкого московского гостеприимства.

Легат пробыл в Старице месяц и не раз старался вернуться к вопросу о соединении церквей. Но Грозный избрал хитроумный способ положить конец переговорам об унии. По свидетельству Антония, царь «запрещал переводчикам даже переводить все то, что имеет отношение к религии». Защищая идею унии, итальянец говорил как бы в пустоту.

На мирных переговорах Поссевино добросовестно исполнял миссию посредника. В беседах с ЗамоЙским он подтвердил обещания, данные ранее Баторию. Поссевино «готов присягнуть, — записал гетман, — что великий князь к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру, и я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костылем и прогонит прочь». Предвидения гетмана сбылись, за исключением только костыля.

14 февраля 1582 г. Поссевино приехал в Москву. Он тщетно просил царя обсудить с ним наедине вопрос о церковной унии. Иван IV согласился провести прения о вере, но непременно в строго официальной обстановке — в присутствии Боярской думы и «двора» в Кремле.

21 февраля царь провел в Кремле первый диспут о вере. На нем присутствовало примерно сто человек. Иван оставил в палате, помимо бояр, также служилых князей и «сверстных» дворян, а стольников и прочих дворян велел выслать вон.

Грозный поначалу был настроен миролюбиво. Обращаясь к послу, он сказал: «Ты видишь, что я уже вступил в пятидесятилетний возраст и жить мне осталось немного. Воспитан я в той вере, которая одна является истинной, и не должно мне ее менять. Близок день Суда, когда Господь решит, наша или латинская вера основывается на истине. Но, — сказал он, — я не осуждаю того, что ты, посланец великого папы Григория XIII, исполняя свои обязанности, заботишься о римской вере. Поэтому ты можешь говорить об этом, что тебе будет угодно».

Составители приказного отчета о диспуте придали речи царя более официальный характер: «Ты, Антоней, говорить хо-

чешь и ты на то от папы прислан, а и сам еси поп и ты потому и говорить дерзаешь, а нам без рукоположенья митрополита и всего освященного совету Собора не уметь говорити. Нам с вами не сойдетца в вере, наша вера христианская из давних лет была себе, а римская церковь была себе».

Ссылка на то, что царь не дерзает говорить, не будучи попом, как Поссевино, и даже более того, не умеет говорить о священных предметах без «рукоположенья» и благословения митрополита и духовного собора, была не более чем дипломатическим ходом. Грозному надо было внушить папскому легату, что царские речи, как заявления частного лица, не имеют большого значения. Законную силу обретают лишь те его обязательства, которые имеют «митрополичье рукоположение», то есть утверждены митрополитом. В подлинных сочинениях Грозного мотивы такого рода отсутствуют.

Следует заметить, что официальные летописи более не велись и их заменой стали книги Посольского приказа. В посольском отчете словам царя был придан новый смысл. Государь говорит все с голоса митрополита, а следовательно, в его речах не может быть ничего еретического. Возможно, исправление потребовалось в связи с розыском о ереси епископа Давида, о чем будет сказано ниже. Вопреки утверждению официоза Иван всю жизнь вел прения о вере без всяких рукоположений митрополита.

Беседуя с Поссевино, Грозный избегал касаться коренных расхождений между вероучениями католиков и православных, чтобы не было раздора и брани. Посол же уповал на обещание царя по поводу богословского диспута, который позволит выбрать веру. Иезуит настаивал на своем, и тогда Иван обратился к малым делам веры. Он стал задавать легату насмешливые вопросы: почему папа сечет бороду, почему носит крест ниже пояса, пристоеен ли крест на тупле, почему папу носят в носилках во время торжественных шествий? «И папа не Христос, — говорил Иван, — а престол, на чем папу носят, не облак, а которые носят его — те не ангелы; папе Григорию не подобает Христу подобиться и сопрестольником ему быть».

«Менее всего, — замечает С.Ф. Платонов, — можно видеть в поведении царя наивность и простодушие; можно поспорить лишь о том, что в нем преобладало: расчетливое лукавство или свойственная Грозному склонность к шутке и издевательству».

Дальнейшие прения об апостолах и происхождении церкви приобрели нежелательный оборот. Грозный заявил, что православная церковь признает авторитет первых пап, но что последующие папы из-за дурной жизни утратили право на уважение. Сбросив маску, самодержец выразил свое отношение к латинству с полной определенностью: «...который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию почнет жити, и тот папа волк есть, а не пастырь!»

В ответ Поссевино допустил прозрачный намек на небезупречную жизнь самого государя.

Дерзость иезуита привела царя в ярость. Он вскочил с места и закричал: «Это какие-то деревенские люди на рынке научили тебя разговаривать со мной как с равным и как с деревенщиной!»

Диспут закончился скандалом. Антоний не оставил слова царя без ответа. Посол «престал говорити, коли-де уж папа волк, мне что уж и говорити». Присутствующие думали, что государь прибудет Антония, а стоявшие подле трона люди (очевидно, дворовые сановники) грозили иезуиту, что его немедленно утопят в реке.

Однако вскоре Грозный успокоился и, отпуская посла, в знак милости погладил его рукой. Два дня спустя Поссевино был вторично приглашен во дворец, и Иван принес ему публичные извинения за то, что в пылу спора назвал папу волком и хищником. Бояре передали послу предложение изложить в письменном виде расхождение между римской и православной верой.

3 марта Поссевино был приглашен на торжественное богослужение в Успенском соборе. По этому случаю на площади собралось до пяти тысяч жителей. Приставы получили приказ отвести Поссевино и его свиту в собор, где для посла было устроено почетное место. Но посол заупрямился, и тогда при-

став Евстафий Пушкин «с товарищи его поуняли... а Антоней начал сердитовати, а ждати государя не похотел, а хотел ехати себе на подворье».

Когда царю доложили о непригожем поведении легата, он остановился посреди площади и почесал в затылке, не зная, что делать. Потом он передал итальянцу приглашение подняться в палаты для переговоров с боярами.

С 1 марта в Москве был созван Священный собор в составе митрополита и шести епископов. Видимо, власти успели собрать духовенство лишь из близлежащих епархий. Можно установить, что в большинстве приглашенные иерархи лишь недавно получили свои посты и не принадлежали к числу известных церковных писателей и богословов. Митрополит Дионисий был поставлен на кафедру из архимандритов новгородского Хутынского монастыря за год до приезда Поссевино. Епископ Сарский и Крутицкий Симеон, живший на Крутицах в Москве, получил назначение примерно тогда же. Будущий патриарх Иов был поставлен епископом Коломенским и Каширским из архимандритов старицкого Успенского монастыря также в 1581 г. Епископ Ростовский и Ярославский Давид получил сан в 1578 г.

Среди названных владык самым близким к особе монарха был, без сомнения, Давид. Он занял кафедру в Ростове в то время, когда этот город уже стал главным «дворовым» городом царя. Понятно, что «дворовой» пост мог получить лишь человек, пользовавшийся полным доверием государя. В неофициальной иерархии он уступал разве что митрополиту.

Зная российские порядки, можно предположить, что Давид взял слово на соборе не по своей инициативе, а по распоряжению или, во всяком случае, с ведома самодержца.

По утверждению Поссевино, сочиненные им тезисы в защиту католичества были зачитаны на соборе, после чего епископ Давид взял слово и «все одобрил» в писании иезуита. Утверждение Поссевино вызывает сомнение. Лишь сумасшедший мог решиться на такой шаг. Более вероятным представляется другое. Давид попытался сгладить распри, найти точки сопри-

косновения католической и православной веры, славившей единого Христа. Он явно следовал по стопам государя, с неслыханным миролюбием писавшего Баторию о соединении церквей на Флорентийском соборе.

Грозный присутствовал на диспуте. Зная его неуемный темперамент, можно не сомневаться, что он набросился бы на епископа, если бы уловил в его словах хоть тень ереси. Как это ни удивительно, монарх промолчал. В переговорах с Поссевино дипломатия неоднократно брала верх над богословием.

Ни один из иерархов не захотел выступить после речи Давида. Члены Священного собора «не сказали ни слова».

Согласно русским источникам, власти нарядили розыск о ереси Давида и расправились с ним уже после отъезда Поссевино. «Потом же Давида ересь его изблещив, посла в монастырь под начало, дондеже в чувство придет». Русские документы сохранили упоминание о деле Давида и сыске «о кресте и богохульных словах» Давида. Итак, московские богословы обнаружили ересь в рассуждениях епископа о кресте и различиях в понимании этого символа христианства. Священный собор будто бы трижды обсуждал вину «дворового» владыки.

Самодержец отмежевался от еретика. Его письмо Баторию и старицкие речи не получили огласки. Кремлевский диспут упрочил престиж государя как поборника православия.

Папский легат был раздосадован исходом московских прений. Царь Иван, писал он, считает себя избранником Божиим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир, он считает, что нет никого более ученого и более исполненного истинной религии, чем он сам. Высокое мнение о себе царь подерживает среди своих с удивительной строгостью: он решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим царь старается выказать величие даже не королевское, но почти папское.

Упреки Поссевино походили как две капли воды на укеры, с которыми сам царь некогда обращался к Сильвестру. Грозный много лет мечтал завоевать авторитет первосвящен-

ника ради того, чтобы соединить «образ» высшего духовного пастыря народа с неограниченной властью самодержца. В конце жизни мечта его была близка к воплощению.

Таубе и Крузе приписывали митрополиту Афанасию такие слова, обращенные к Ивану IV в момент его отречения от престола в 1565 г.: «Он (царь) один и единственный, как глава Православной христианской церкви и избранный властелин истинной апостольской веры». В подтверждение достоверности этой «речи» А.Л. Юрганов ссылается на известие официальной летописи об отречении царя: «...а мы все своими головами едем за тобою государем святителем...»

Вопрос в том, относятся ли приведенные слова «государь святитель» к особе монарха?

Летопись повествует, как бояре и всех чинов люди просили митрополита Афанасия немедленно ехать к царю и умолить его вернуться на трон. «А мы все своими головами едем за тобою, государем святителем, своему государю царю и великому князю о его государьской милости бити челом и плакаться». Итак, слова «государь святитель» относятся не к Ивану IV, а к митрополиту Афанасию.

Глава государства охотно исполнял некоторые функции первосвященника, но никогда не претендовал на чин святителя.